

Слушая бесстыдные, полные откровенного вожделения шепотки Сукуны и эти тихие, влажные, сводящие с ума звуки, которые никак не получалось игнорировать, Харе вспыхнул до самых кончиков ушей.

Пускай ночь давно вступила в свои права, а сад тонул в полумраке, юноша рдел, точно спелая земляника, которую Сукуна лениво перекатывал во рту, забавляясь. Сладкая, сочная ягода — достаточно лишь слегка прижать ее острыми клыками, чтобы пустить сок и лишить жизни.

Вся опасность и дурманящая близость прятались под подолом платья. Беловолосый мальчишка с пушистыми кроличьими ушками на ободке едва удерживался, чтобы не вскрикнуть, зажимая рот одной рукой. Другой он судорожно стянул с глаз повязку. В затуманенных влагой сапфировых глазах читался первородный страх: он испуганно озирался по сторонам, до смерти боясь, что в сад кто-нибудь войдет.

И сквозь жгучий стыд в голове билась лишь одна мысль:

«Ну почему... почему опять на улице?!»

Движения под пышным подолом становились всё напористее. Тонкое тело Харе внезапно натянулось, как струна. Нога, на которую он опирался, предательски задрожала, а бутафорские ушки на макушке мелко затрепетали в такт его судорожным вздохам.

Всё рушилось... Разум плавился, грозя окончательно отключиться. Это пугающее чувство потери контроля каждый раз приводило Харе в ужас. Не смея опустить взгляд, он запрокинул голову, уставившись в густую крону раскинувшегося над ними померанцевого дерева.

Пышные ветви в ночной темноте казались сплошным черным массивом, и лишь плотные, гляцевые листья изредка ловили тусклые блики садовых фонарей. На ветках сиротливо покачивались круглые, тяжелые плоды.

Харе отчаянно пытался считать эти померанцы, чтобы хоть как-то удержаться на плаву и заглушить электрические разряды сладостной истомы, заставлявшие его бедра невольно подаваться навстречу чужим рукам. Но стоило ему дойти до трех, как мысли путались, и приходилось начинать все заново.

Сделав несколько безуспешных попыток, он сдался. Голова кружилась так сильно, что ему стало уже не до Сукуны. А тот вдруг глухо и хрипло рассмеялся, обнажив клыки.

— Ха-ха, до чего же милый...

— Терпи, малявка. Потерпи еще немного.

Его низкий, вибрирующий голос звучал так, словно Король проклятий читал мысли юноши как раскрытую книгу.

Вечно этот малец упрямится, хорохорится, пытается оттолкнуть... а ведь в самой глубине души отчаянно хочет на кого-то опереться.

И как только в одной голове уживается столько сложностей и противоречий? Подобная сентиментальная чепуха свойственна лишь людям. Проклятия устроены проще: поддайся желанию, делай что хочешь, бери кого любишь — только так и можно получить истинное наслаждение.

А впрочем, всё потому, что этот мальчишка слишком нежный.

Люблю.

Люблю, люблю, люблю, безумно люблю...

Как же я его люблю!

Это слово набатом стучало в сознании Сукуны, вытесняя любые другие мысли. Чем больше он соприкасался с мягкостью и уязвимостью Харе, тем сильнее желал безраздельно завладеть им, присвоить себе каждую крупцу.

Горячее дыхание замедлилось, но пальцы, сжимавшие бедра юноши, до боли впились в нежную кожу. Сукуна ловил себя на мысли, что действительно подхватил от этого мальчишки какое-то проклятие — раз добровольно, без тени сомнения, склонил перед ним голову.

Однако обещанная разрядка всё не наступала. Харе замер, ошеломленный, и вдруг осознал всю глубину издевки Короля проклятий.

Он сделал это нарочно! Оставил его на самом пике!

Да как... как вообще можно быть настолько бесстыжим?!

— Сукуна... ты... извращенец... у-ух...

Попытка выругаться провалилась с треском: голос прозвучал совсем не грозно. Он сорвался, задрожал и в следующую секунду превратился в откровенный плач.

Жалобный, надрывный и невыносимо сладкий.

Мальчик сглотнул, и скопившиеся в глазах слезы крупными каплями покатились по щекам. Обида от того, что над ним издеваются, дикое напряжение из-за близости чужих людей и эта мучительная, насильственно прерванная ласка слились в один сплошной ком. Слезы потекли

неудержимым потоком.

— Хнык... у-у... — Он изо всех сил закусил тыльную сторону ладони, пытаясь сдержать всхлипы, сквозь которые то и дело прорывались невнятные ругательства: — Ненавижу тебя... Ублюдок...

Сукуна не видел его лица, но эти приглушенные звуки заводили его еще сильнее. Лениво бормоча дежурные извинения в духе «виноват, виноват» и ласково уговаривая не плакать, он лишь удвоил натиск.

И успокоился только тогда, когда вытряс из впавшего в беспамятство мальчишки заветное «муженек», повторенное сквозь слезы несколько раз.

Первый день вступительных испытаний для Харе закончился заплаканными, опухшими глазами.

Проснувшись следующим утром в своей комнате в общежитии, он долго лежал, тупо уставившись в потолок. А затем, скрипнув от ярости зубами, резко сел и принялся с остервенением лупить подушку, представляя на ее месте одну наглую физиономию.

Бесстыжий! Наглец! Негодяй!

Он ведь просто пошел отдать ему Детские часы Hello Kitty! Каким образом всё вообще докатилось до *этого*?!

Черт, как же болят ноги!

Едва попытавшись спустить ноги на пол, Харе скорчил страдальческую мину. Натягивание плотных брюк и куртки формы Технической школы магии заняло втрое больше времени, чем обычно.

Свою вчерашнюю горничную ливрею он спалил дотла, едва вернувшись в комнату, злобно матерясь под нос. И пусть наряд остался чистым, один его вид вызывал в памяти то, как жадно сглатывал Сукуна и как дразняще демонстрировал ему кончик мокрого языка. Картинка была настолько яркой и бесстыдной, что Харе едва не сгорал со стыда на месте.

К счастью, про одежду никто так и не спросил. Угроза отца заставить его ходить в этом недоразумении полные сутки оказалась обычной шуткой. К тому же сегодня у всех забот хватало выше крыши: уроки отменили, заменив их на самостоятельные занятия, поскольку папа Сатору вместе с дядюшкой Нанами укатили в срочную командировку.

В отличие от мрачного, как грозовая туча, Харе, Король проклятий пребывал в превосходном расположении духа. Лениво облокотившись на подоконник традиционной японской гостиницы-рёкана где-то на окраине Токио, он с довольным видом созерцал уличный пейзаж.

Когда Ураумэ вошел в комнату с подносом, уставленным изысканными яствами, он застал господина разглядывающим свое запястье с блуждающей на губах улыбкой. Более того, не дожидаясь вопросов, Сукуна самолично сунул ему под нос руку:

— Ураумэ, знаешь, что это такое?

Ураумэ застыл на месте.

Верный слуга, не отличавшийся хитростью, но склонный к глубоким и порой излишним размышлениям, погрузился в экстренный мысленный штурм:

«Что сие значит? Зачем господин спрашивает меня об этом? Он действительно не знает или просто хвастается? Да нет, не может быть, чтобы великий двуликий бог опустился до ребяческого бахвальства... Скорее всего, это проверка! Тонкое испытание, призванное выяснить, насколько хорошо его подчиненный освоился в реалиях этой эпохи!»

В памяти всплыли строчки из какого-то трактата: «Познай себя и познай врага, и ты победишь в тысяче сражений». Стало быть, лорд Сукуна тонко намекает, что для успешного завоевания этого мира нужно досконально изучить его устройство?

И пускай логическая связь между детскими розовыми часиками и мировым господством ускользала от понимания ледяного проклятия, Ураумэ, выстроив в голове эту стройную теорию, преданно закивал. Лицо его выражало абсолютную решимость:

— Я всё понял, лорд Сукуна! Сию же минуту приступлю к освоению современных технологий и цифровых устройств, дабы заложить нерушимый фундамент для вашего великого будущего!

С этими словами он низко поклонился и решительным шагом покинул комнату, оставив за собой шлейф морозной суровости.

Сукуна проводил его долгим, озадаченным взглядом:

— Что?..

Сбитый с толку Король проклятий нахмурился, разглядывая кричаще-розовый ремешок с мордочкой Hello Kitty на запястье.

— Я всего лишь хотел спросить, как отправить этому недоразумению текстовое сообщение...

Вчера, когда Харе объяснял, как пользоваться этой штуковиной, он пропустил всё мимо ушей. Он резонно рассудил, что Ураумэ, как-никак, выглядит моложе и должен разбираться в таких диковинках...

М-да, не вышло. И чего этот дурак так подорвался? Какое еще «великое будущее» через детские часы?

— Ладно, пускай потом сам показывает, — проворчал он, принимаясь за еду.

Пока праздный владыка предавался утренней трапезе, виновник его дум крутился как белка в колесе. Прямо посреди урока Харе утащила на задание Маки-сан, а вернувшись без задних ног в общежитие, он моментально вырубился.

Папа Сатору вернулся из командировки лишь на следующий день в районе полудня. По-хозяйски приобняв за плечи отчаянно сопротивляющегося Нанами, он с широкой улыбкой спихнул на него проведение лекций. Однако стоило ему поравняться с сыном и уловить отчетливый шлейф остаточной проклятой энергии Сукуны на его теле, как улыбка мгновенно сползла с его лица.

Этот рогатый ублюдок посмел явиться в его отсутствие и покуситься на его ненаглядное чадо?!

Какая наглость!

Разгневанный Годжо-старший решил выместить обиду на учебном процессе, устроив первокурсникам настоящий ад из внезапных проверок и бесконечных испытаний.

Испытания поражали своим разнообразием. Во втором туре ребятам приказали прочесать гору за школой, отыскать помеченных особым клеймом проклятых духов и изгнать их. Но фишка была в том, что внутри каждого чудовища была спрятана экзаменационная работа. Ее требовалось извлечь целой и невредимой, заполнить прямо на месте и сдать до истечения таймера. Итоговый балл за тест и определял место в рейтинге.

Студенты дружно проклинали это безумие, однако в задании крылся глубокий смысл. Поскольку никто не знал, в какой именно части тела духа спрятан свиток, ребятам приходилось ювелирно дозировать силу удара. Одно неверное движение — и ценный бланк превратился бы в пыль вместе с монстром.

С этой частью Харе справился блестяще. Даже без помощи Шести глаз он с хирургической точностью вскрыл проклятую тварь и первым из всех завладел заветным листком. И всё же в

общем зачете он с треском провалился, заняв почетное последнее место.

А всё потому, что ему достался тест по высшей математике. А в точных науках он, увы, был круглым нулем.

Но настоящим сюрпризом для всех стал Оккоцу Юта, занявший предпоследнюю строчку. И вовсе не из-за плохой успеваемости: просто во время боя он так увлекся, что случайно раскромсал свою работу катаной на мелкие конфетти.

В третьем раунде каждому выдали по жетону для масштабной игры в прятки на выживание. Правила просты: отнимут монетку — ты выбываешь. Победителем объявлялся тот, кто соберет наибольший улов. Здесь Харе наконец-то отвел душу и взял долгожданный реванш, вырвав уверенное первое место.

Четвертым этапом планировали устроить традиционное вылавливание золотых рыбок сачком, но затею быстро свернули — на улице похолодало так, что вода в чанах подернулась ледком.

После череды изнурительных тренировок первокурсники заметно подтянулись и приспособились к безумному темпу. Папа Сатору, безусловно, гордился их успехами, но с каждым днем злился всё сильнее.

Да какого черта?! Откуда на его сыне с каждым разом всё больше чужой, удушающей ауры Сукуны?!

Не в силах больше терпеть этот беспредел, в один из погожих солнечных дней сильнейший шаман современности забил стрелку Королю проклятий на уединенной крыше высотки.

— Слышь, образина четырехглазая, тебе совесть спать не мешает? Чего ты постоянно трешься возле моего сына? — с порога пошел в атаку Сатору.

Обвинитель картинно скрестил руки на груди, ожидая ответа. Однако его визави лишь неторопливо закатал широкий рукав узорчатого кимоно и с самым независимым видом уставился на циферблат:

— М? Извини, не расслышал. Ты спрашиваешь, кто подарил мне эти прекрасные часы?

На лице Сатору отразилась вся гамма недоумения и брезгливости. Смерив Короля проклятий взглядом, каким обычно достаивают буйнопомешанных, он процедил:

— Таблетки забыл принять? Адрес лечебницы подсказать?

— Твой малец лично презентовал. Так что я просто вежливо плачу взаимностью, —

ухмыльнулся Сукуна. Все четыре его глаза сощурились в неприкрытом торжестве.

Стоявший напротив долговязый маг лишь презрительно фыркнул, ощетинившись, словно рассерженный мартовский кот.

Сукуна издевательски хмыкнул и нанес сокрушительный удар под дых:

— Погоди-ка... Неужто тебе он ничего не подарил?

Невидимая стрела пронзила отцовское сердце.

Сатору лишился дара речи. Ему было чертовски обидно, но показывать слабость перед врагом он не собирался. Собрав в кулак всю свою волю, он ответил с дежурной язвительностью:

— Старейшины из верхушки плешь мне проели требованиями поскорее тебя запечатать. Но лично я считаю, что таких паразитов проще сразу пускать на распыл.

— Ха-ха! Можешь пытаться сколько угодно, но для него я слишком дорог, — расхохотался Король проклятий.

— Мечтать не вредно, чучело!

Они препирались еще какое-то время, упрямо гня свою линию. Разговор явно зашел в тупик — найти общий язык этим двоим не светило в принципе.

Пока двое сильнейших мерились эго на крыше, виновник их спора сидел в личных покоях главы Культа Древних Сказаний и с робкой, обезоруживающей улыбкой протягивал мужчине гладкий деревянный гребень.

— Я тут... попробовал вырезать кое-что на досуге. Господин Гето, если вам не трудно, примите этот скромный подарок.

Еще одно заветное желание Харе — сделать для мамы деревянный гребень своими руками — наконец-то исполнилось.

Гето Сугуру, как раз отдававший распоряжения слугам принести побольше восстанавливающих отваров и целебных снадобий для укрепления здоровья гостя, замер. Его узкие глаза потеплели, изогнувшись полумесяцами. Он изящным движением перекинул через плечо прядь длинных темных волос:

— Раз так... не хочешь ли опробовать его в деле?

Харе радостно подскочил с места и зашел со спины, бережно принимаясь расчесывать его шелковистые локоны.

У мамы всегда так приятно пахло от волос. По сравнению с той версией Гето, которую он помнил по учебе в Технической школе магии в прошлом мире, сейчас его шевелюра стала заметно длиннее, гуще и послушнее. Кстати, свой природный иссиня-черный оттенок волос Харе унаследовал именно от него.

В комнате воцарилась умиротворяющая тишина. Мягкие лучи предполуденного солнца падали сквозь решетчатые окна наискось, очерчивая контуры мебели золотистой каймой. Это мгновение было настолько безмятежным и хрупким, что казалось прекрасным сном.

Оба они всем сердцем наслаждались этой редкой передышкой. В их безумной, полной опасностей жизни подобные простые радости ценились на вес золота.

— Твои раны, кажется, почти затянулись, — нарушил молчание Гето. Его мягкий, бархатистый голос лился плавно, гармонично вплетаясь в солнечную тишину комнаты.

Увлеченный процессом Харе брякнул первое, что пришло на ум, не успев вовремя прикусить язык:

— А, ну так мой организм лучше всего восстанавливается, когда я ем проклятия. А тут как раз подвернулось одно с колоссальным запасом энергии, так что я... Ой!

«Проклятье, чуть про Сукуну не разболтал!»

Харе испуганно зажал рот ладонью. Однако Гето, казалось, зацепился совсем за другие слова.

Красивое лицо лидера культа на мгновение отразило глубокую думу. Затем едва заметная морщинка на его лбу разгладилась, уступив место теплой, цветущей улыбке:

— Вот как? Что ж, это просто чудесно.

Едва эти слова, согретые ласковой интонацией, сорвались с его губ, как пространство комнаты прорезали десятки черных пространственных вихрей. Они мгновенно поглотили весь солнечный свет, погрузив помещение в зловещий сумрак.

Из разверзшихся прорех один за другим начали лезть проклятые духи. Концентрированная, давящая аура породила мощный порыв ветра, который тут же растрепал только что уложенные пряди Гето.

Мужчина неторопливо развернулся и крепко сжал ладони Харе в своих руках. На его безупречном лице сияла невероятно нежная, ослепительная улыбка:

— Знаешь, этого добра у меня скопилось предостаточно. Выбирай, чего твоей душе угодно?

— Может, отведаешь Воплощение Тамамо-но-Маэ?

— Или предпочтешь Женщину с разрезанным ртом?

— А как тебе Землетрясающего сома?

Бесчисленные твари продолжали сыпаться из темноты, и среди них то и дело мелькали зловещие силуэты проклятий особого ранга. В считанные секунды комната оказалась забита чудовищами под самый потолок, зажав Харе и Гето в плотное кольцо.

—...

Харе тупо созерцал погружившиеся во мрак покои и трещащую по швам крышу, которая едва сдерживала напор этой жуткой оравы. По его лбу покатилась крупная капля холодного пота.

«Погоди, мамочка, остынь! Прекрати немедленно!»

Да как он вообще сможет есть эти проклятия?! Это же личная коллекция Гето! Каждого из этих монстров Сугуру подчинял лично, пересиливая рвотный рефлекс и глотая отвратительные на вкус сферы... Харе прекрасно помнил, через какую адскую боль проходил его родитель.

Сердце сжалось от жалости, и парень принялся судорожно соображать, как бы по деликатнее отказаться от такого щедрого угощения.

Тем временем почуявшие неладное адепты Культа Древних Сказаний толпой бросились во внутренний двор. Глядя на ходящие ходуном стены покоев своего повелителя, из окон которых клубами валила черная проклятая скверна, люди в панике чесали затылки.

Это еще что такое?! Ночной парад сотни демонов начался раньше срока?!

<http://bllate.org/book/19043/2005284>